

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. А. В. Каравашкин
г. Москва, Россия

ПРОФЕТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА СБОРНИКА ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА (40-е гг. XVI в.)

Аннотация: В статье рассматривается творчество Ивана Пересветова, одного из самых ярких русских публицистов XVI столетия. Имя Пересветова давно стало предметом споров. Одни исследователи считали его вымышленным лицом, другие — настаивали на его историчности, на основе скудных данных пытались реконструировать его биографию и встроить в нее хронику его литературной деятельности. В XIX в. одной из распространенных точек зрения была версия, согласно которой «Пересветов» — лишь псевдоним автора или группы авторов, которые в той или иной степени оправдывали деятельность Ивана Грозного в форме пророчеств, как говорится — *post factum*. Таким образом, вымышленными были объявлены не только имя автора и его биография. Уже после того, как был написан фундаментальный труд А. А. Зимина, не только издавшего редакции Сборника Пересветова (так называемый пересветовский комплекс), но и включившего личность и философию публициста в широкий исторический и культурный контекст, были высказаны новые сомнения, относящиеся к реальности этого авторского имени. Главным оппонентом дореволюционных и советских исследователей творчества Пересветова стал Д. Н. Альшиц. Он настаивал на том, что сборник явился компиляцией, состоявшей из текстов, созданных разными лицами и по разным поводам (Петр Губастый, Алексей Адашев, Иван Грозный). Кроме поиска прямых упоминаний исторического лица, которые, несомненно, пролили бы свет на личность Пересветова, актуальной остается проблема идейной и поэтологической целостности сборника. В этой статье мы и пытаемся ответить на вопрос о том, мог ли сборник быть создан разными авторами. Наша аргументация касается косвенных данных. Тем не менее они важны именно в силу того, что целостность комплекса литературных текстов неизбежно ведет к одной личности и к одной системе взглядов. По нашему мнению, пересветовский сборник объединен основополагающим мотивом пророчеств и предсказаний. Он становится важнейшей формой выражения этической позиции автора, исходившего из сложного сопряжения «веры» и «правды», двух важнейших категорий древнерусской философии истории.

Ключевые слова: публицистика, сборник, поэтика, пророчества, личность автора, философия истории, атрибуция, псевдоним.

Информация об авторе: Андрей Витальевич Каравашкин — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125993 г. Москва, Россия. E-mail: karavash2008@yandex.ru

Дата поступления статьи: 04.12.2018

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Каравашкин А. В. Пророческая поэтика сборника Ивана Пересветова (40-е гг. XVI в.) записях // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 117–131.

Каждому, кто обращается к объединяющим памятникам средневековой Руси, приходится так или иначе иметь дело с источниками, послужившими фактологической и текстуальной основой памятника. Ансамбль, иными словами, предстает перед нами как набор разнородных элементов, как мозаика или коллаж. Но логики целого никто не отменял. И любая деконструкция требует в конечном счете *реконструкции*, соединения всего того, что в аналитических целях было разъединено. Это в равной мере относится и к одному из самых оригинальных по замыслу и способам его воплощения сборников XVI столетия, который известен как Сборник Ивана Пересветова или Пересветовский комплекс, состоящий из значительных по объему повестей, челобитных и миниатюрных комментариев-пояснений к ним.

Проблема целостности сборника XVI в.

Сомнения в подлинности Пересветова-автора начались уже по мере включения его текстов в научный оборот. Одним из основоположников скептической версии стал Н. М. Карамзин. Впрочем, сторонников историчности Пересветова тоже было немало. С Карамзиным не соглашался уже И. Д. Иловайский, а М. И. Соколов, Ю. А. Яворский и В. Ф. Ржига внесли существенный вклад в изучение его биографии и в воссоздание его творческого пути. Наконец, А. А. Зимин предпринял фундаментальные разыскания, призванные не только предъявить историю Пересветова как служилого человека и писателя, но и соединить основные положения его учения о «правде» и «вере» с идейным и культурным контекстом эпохи.

Впрочем, теория, основанная на том, что Пересветов — всего лишь литературный герой или маска, за которой скрывались другие лица и даже целые партии, не ушла в небытие после публикации основного корпуса его текстов в 1956 г. И нет оснований утверждать, что эта версия вновь не станет популярной. Так, отталкиваясь от наблюдений предшественников (в частности, И. И. Полосина), Д. Н. Альшиц пытался обосновать гипотезу, согласно которой тексты сборника были созданы в разное время разными лицами. И, конечно, к некоторым аргументам исследователя стоит прислушаться. Например, Альшиц провел сопоставительный анализ «Сказания о Магмете-салтане» и «Большой челобитной» и пришел к выводу, что проекты реформ в этих памятниках заметно отличаются друг от друга. Если повесть о реформах Магмета в основном индифферентна и при этом содержит многочисленные примеры условно-сослагательных конструкций, то «Большая челобитная» отмечена преимущественно безапелляционными утверждениями. Демократизм «Сказания» в челобитной уступает место восхвалению личности царя. Критика кабального холопства сменяется в итоговом рассуждении замалчиванием этой проблемы, осуждением порабощения как такового. В «Большой челобитной», по мнению Альшица, поменялось и отношение к воинам: теперь тема родовитости «воинников», их происхождения играет куда более важную роль [1, с. 258–266].

Впрочем, поиск несогласованности и противоречий в текстах — это отдельная проблема. И совсем другое дело — атрибуция. Тут Д. Н. Альшиц пошел по пути смелых предположений. В итоге появилась версия, согласно которой «Малую челобитную»

сборника создал Петр Губастый, «Сказание о Магмете-салтане» — лидер русского правительства периода реформ А. Ф. Адашев, а «Большую челобитную» накануне похода на Казань в 1552 г. — сам Иван Грозный [1, с. 267–270].

Разумеется, как и любая гипотеза, еще нуждающаяся во всестороннем обосновании, точка зрения Альшица порождает новые вопросы, число которых по мере поиска убедительных ответов будет только расти. Уже сейчас видно, что исследователь полностью проигнорировал сборник как целое, вычленив из его ткани только три текста, как будто всех остальных источников просто не существует. Но как можно рассматривать отдельные произведения комплекса изолированно? Весьма уязвимой стороной этой теории оказывается и то, что только один предполагаемый автор, скрывавшийся якобы за именем Пересветова, снискал репутацию человека активно пишущего. Это Иван Грозный. Его сочинения широко известны. Но что можно сказать о творчестве А. Ф. Адашева? С Петром Губастым еще хуже. Он упомянут только в Описи царского архива, в связи с содержимым ящика 143. Больше ничего достоверного об этой личности неизвестно. Тем не менее автор гипотезы смело приписал ему составление «Малой челобитной». Да и сама причина столь замысловатой литературной игры, если бы она на самом деле имела место, Альшицем толком не раскрыта.

Принимая концепцию А. А. Зимина как на сегодняшний день наиболее обоснованную, мы, разумеется, не можем считать вопрос об авторстве Пересветова-публициста окончательно решенным. Конечно, в обсуждении атрибуции текстов сборника не может быть поставлена точка. Тому есть веские причины, поскольку сама биография автора нуждается в проверке независимыми свидетельствами, а публицистическая деятельность служилого человека Ивашки Пересветова в идеале должна быть подтверждена документально. Этому препятствует скудость источников. Точнее, если говорить откровенно, почти их полное отсутствие. Мы можем лишь с той или иной степенью убежденности констатировать: все, что нам известно о Пересветове, правдоподобно, не противоречит контексту той эпохи, в которую, по версии многих ученых, он жил¹.

¹ Главными источниками биографии Ивана Семеновича Пересветова, которому по укоренившейся в трудах отечественных историков и филологов традиции приписывается сборник, датируемый 40-ми гг. XVI в., остаются так называемые Малая и Большая челобитные. Как и все сочинения комплекса, известного по спискам XVII столетия (в дальнейшем мы будем цитировать Полную редакцию сборника, опубликованную А. А. Зиминим в 1956 г.), эти тексты содержат в себе проект государственных реформ, направленных на укрепление Русского царства. В момент своего появления в России, в 30-е гг. XVI в., Пересветов подал малолетнему Ивану Грозному некие речи, был пожалован и отдан на царскую службу под начало боярина М. Ю. Захарьина. После смерти боярина покровительства служилому человеку никто не оказывал, и он безуспешно в течение 11 лет пытался получить право на аудиенцию. Наконец 8 сентября 1549 г. «речи» были поданы Пересветовым царю при личной встрече в одной из кремлевских церквей. Но даже после этого «воинник» не чувствовал себя защищенным: «И ты, государь, меня, холопа своего, не приказал никому» [9, с. 173]. В этом же году Пересветов снова обратился к царю с так называемой «Большой челобитной», приложив и копии поданных ранее текстов. В «Малой челобитной» Пересветов рассказывал о себе как о дворянине польского короля Сигизмунда I (в роте Фредерика-Федора Ивановича Сапеги) и при этом подчеркивал, что с ведома короля служил также венгерскому монарху Яну Запольяи в Буде и чешскому — Фердинанду I Габсбургу (будущему императору Священной Римской империи) в числе 500 королевских дворян под началом старосты белского, гетмана Андрея Тенчинского. К 1534–1535 гг. относится поездка Пересветова к Петру Рарешу («волоскому воеводе») в Сочаву. О жизни и деятельности публициста до его приезда в Россию см.: [3, с. 308–324]. По версии Ю. А. Яворского, сославшегося на запись 1753 г. в рукописном сборнике, содержавшем «Александрию», автор публицистического комплекса, возможно, посещал и Грецию [10, с. 81–85]. В Описи царского архива читаем, что в ящике 143 хранился «черный список Ивашка Пересветова да Петра Губастого» [6, с. 31].

Тем не менее сомнения в целостности пересветовского комплекса остаются. При этом проблема аутентичности сборника (кто написал тексты и зачем?) тесно связана с другим вопросом: можно ли считать сборник единым памятником, в котором существуют глубинные внутренние связи, или перед нами компилятивный источник, разнородные части которого плохо согласуются друг с другом? Как видим, ответ на этот вопрос очень занимал Д. Н. Альшица, считавшего три произведения цикла слишком непохожими друг на друга, чтобы приписывать их одному и тому же биографическому автору — собеседнику воеводы Петра, служилому человеку и коронному дворянину Ивашке Пересветову.

Итак, следует понять, насколько разнородны сами тексты Пересветова, насколько они противоречат или соответствуют друг другу. Нам представляется важным обнаружить (или не обнаружить) такие признаки, по которым можно было бы говорить о едином мировоззрении, единой манере убеждения (суггестия), едином стиле. Иными словами, мы делаем акцент на опорных, системообразующих приемах, которые проходят через все произведения комплекса, присутствуют как в начале (в преамбуле о взятии Царьграда), так и в финальной Большой челобитной, венчающей весь ансамбль. Отчасти мы уже выполнили эту задачу на страницах старой работы [5, с. 27–126]. Но некоторым аспектам поэтики пересветовского сборника мы все же не уделили достаточного внимания. А это весьма примечательные особенности, позволяющие увидеть и стиль, и риторичность, и мировоззрение в сопряжении, в одном ключевом мотиве.

Следует сразу заметить, что сама структура древнерусского сборника ориентировала читателя на то, что он получит единый свод знаний и необходимых текстов для исполнения тех или иных правил, требований. Значительная часть сборников средневековой Руси относилась к так называемым «уставным» компендиумам. Но в то же время существовали сборники, рассчитанные именно на индивидуальное чтение. Часто их называют «келейными», т. е. предназначенными для уединенного ознакомления. Это важнейшая разновидность *четьих сборников*. Они строились вокруг определенного круга интересов и той или иной темы. Читатель, другими словами, получал в свое распоряжение антологию или библиотеку в миниатюре [2, с. 150–180].

Таким образом, древнерусская книга была именно сборником текстов, а не результатом деятельности какого-то конкретного автора. Чаще всего отбирались и соединялись памятники авторитетные и значимые. Вот почему типичной фигурой древнерусского литературного творчества был именно книжник-собирающий, компилятор, соединявший заимствованные фрагменты, а не писатель-новатор.

Это не означает, что сочинителей в средневековой Руси не было. Напротив, они хорошо известны, и, судя по всему, число их со временем только росло. Здесь стоит вспомнить Ермолая-Еразма и Андрея Курбского. Тем не менее главной установкой по-прежнему было не отражение личного мнения составителя по тому или иному вопросу, но ссылка на авторитет. Авторы старались под тем или иным предлогом скрыть новизну или преподнести ее под видом следования традиции.

В русле этих усилий создавал свой сборник апологет «вечной правды». Ему было важно убедить адресата, что адресант не придумал, не домыслил свои построения, но именно вынес их из других текстов или из речей более знающих и мудрых носителей истины. Публицист предлагает российским властям и царю Ивану Грозному сборник повестей («сказаний»), речей и заповедей, которые он вывез из далеких стран, где появились горячие сторонники Русского государства, заинтересованные в его процветании. К тому же именно там, на чужбине, — убеждает составитель комплекса —

произошло много знамений и чудес, удивительных пророческих событий, которые должны только укрепить к «речам» доверие государя и властей. Об этом публицист пишет так: «А се речи вывезл Иван Семенов сын Пересветов изо многих кралевств, и Петра Волоскаго воеводы» [9, с. 170]. В «Малой челобитной» проситель замечает, что оставил дворянскую службу у польского короля, понадеявшись на великое предназначение великого князя: «...слышавше от многих мудрецов, что быти тебе, государю, великому царю по небесному знамению» [9, с. 164].

Именно эта установка заметна во всех частях сборника, т. е. составитель подбирал тексты одного плана, руководствуясь общим критерием: важнейшие заповеди и пророчества не принадлежат самому автору, они касаются одной темы (предназначение русского царя и будущее Русского государства), они активно побуждают к принятию одного решения — строить державу в соответствии с «правдой», ревностными защитниками которой были все «информаторы» автора, жившие в тот момент или давно ушедшие (пускай Пересветов только делал вид, что с ними общался или учился по их «речам»). И эта установка безукоризненно выдерживается во всех произведениях сборника. Исключений мы не знаем.

Формы пророчеств у Пересветова

В вопросе о *целостности* авторского сборника немалую роль играют, помимо единства нравственно-религиозной и философской тенденции, устойчивые приемы выражения мысли, те компоненты семантической структуры, которые предопределяют общий стиль рассуждения и убеждения. Таким сквозным элементом сборника Ивана Пересветова являются пророчества, предсказания, гадания. Они даются обычно в трех формах: 1) речи (герои сборника обращаются с назидательными поучениями к современникам, как соотечественникам, так и иноземцам), 2) ссылки на книжные источники (зачастую в сборнике упоминаются «книги» как источник мудрости и «правды») и 3) небесные знаки (причем последние выступают или в виде собственно знамений, или как голос, непосредственно звучащий свыше, или как предостережение-катастрофа).

Речи

Характерно, что важнейшей формой пророчества, которая представлена на страницах сборника с наибольшей степенью суггестии (повторы, комментарии, призывы, обращения к слушателям) и содержит развернутые высказывания, являются именно *речи*. Знамения (кроме тех, что описаны в «Повести о взятии Царьграда») и «книги» остаются таинственным источником «правды», но непосредственного доступа в этот тайник мудрости читатель не имеет. Он должен довольствоваться только тем, что выносят из знамений и книг *резонеры*. Благодаря их участию истина и становится предметом всеобщего внимания.

Поэтому весь сборник буквально переполнен глаголами, обозначающими споры, говорение, публичное произнесение вслух поучений, возвышенных проповедей, призванных повлиять на людей. На споре «латынян» и греков участники «спираются», «отказывают», «хвалятся», говорят «против им на споре» [9, с. 161]. Магмет-салтан «списал мудрость» с христианских книг и при этом он активно проповедует: «И рече тако Магмет-салтан...» [9, с. 157]; «И рек тако всему войску своему...» [9, с. 155]. Султан не прочь поучить и мудрецов: «И рече Магмет-салтан, турецкой царь, философом своим мудрым...» [9, с. 152]. Если Магмет-салтан и греки пишут и говорят, то мудрость воеводы Петра передается преимущественно в устной форме: «Говорит Петр,

волоский воевода, с великими слезами...» [9, с. 176]; «И Петр волоский воевода говорит так и Бога молит...» [9, с. 178]; «Да тако рек Петр волоский воевода...» [9, с. 179].

Наиболее важные речи принадлежат «философам и докторам». Причем к этой категории отнесен и молдавский господарь Петр Рареш («воевода Петр» сборника). Особняком вроде бы стоит Магмет-салтан, который вдохновляет подданных христианскими образцами «вечной правды». Впрочем, и Магмет, несмотря на свое иноверство и явную нечестивость (султан осквернял церкви и снимал с них кресты), входит в этот сонм мудрецов с достаточным на то основанием. Он не только «списал с христианских книг ту мудрость и праведный суд» [9, с. 160], но и сам выступает в роли тайного почитателя веры христианской, что, кстати, во многом снимает вопрос об отрицании автором сборника «веры» в противовес «правде». (Напомним также, что в сходной роли оказываются в сборнике «латыняня», которые были в России «на отведывание веры христианския» и по достоинству оценили веру русских, охарактеризованных как «святыя чудотворцы» [9, с. 161].) Положительным героем Магмета все-таки делает сочувствие христианским заповедям. Без этого он превратился бы в обычного жестокого деспота. «Салтан» же, напротив, утверждает «правду», будучи очарован именно «верой»: «Да писал Магмет-салтан турецкой царь в тайне себе: “Таковому было быти христианскому царю, всеми правдами Богу сердечную радость воздати и за веру христианскую крепко стояти”» [9, с. 160].

Следует заметить, что каждый герой имеет свой вполне конкретный повод для того, чтобы обращаться с речами к слушателям. Анастасий сокрушен катастрофой и просит высшие силы объяснить, в чем смысл такого жестокого наказания. Магмет-салтан не хочет уподобиться греческому царю и потому намерен подчинить действия своих вельмож правде. Иначе туркам также грозит небесная кара, а Бога Магмет боится больше всего на свете. Поэтому и «философом своим мудрым» он говорит: «А яз вам о том реку, мудрым своим философом: поберегайте мя во всем, еже бы нам Бога не разгневити ни в чем» [9, с. 152]. К тому же «турецкой царь» становится сторонником социальной справедливости и вводит норму, уравнивающую всех в его государстве. Он на свои нужды не берет ничего из царской казны, зарабатывает на пропитание ремеслом, то есть ведет образ жизни обычного человека: «Исполняю заповедь Божию. Господь приказал отцу нашему Адаму первому поту чела своего уживати» [9, с. 151], т. е. Магмет понимает «правду» как возвращение к временам первобытного Адама. «Философы» и «дохтуры» спорят, потому что им важно выяснить против *кого именно* был направлен справедливый гнев Господа. И как раз в самом разгаре этой полемики выясняется, что надежды всего христианского мира связаны с Русским государством и его замечательным царем: «Как про них молвить, про святыя чудотворцы? Ино таково есть Божие милосердие. Естли к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними аггели беседовали» [9, с. 161]. Наконец, поводом для «речей» воеводы Петра стала служба при его дворе «москвитина Васки Мерцалова», который поведал о том, что в Русском государстве «правды нет», а вера христианская «добра, всем сполна». На это Петр ответил кратким утверждением: «Коли правды нет, то и всего нет» [9, с. 176]. В результате именно в «Большой челобитной» Русское государство наделяется многими пороками, которые поразили несправедное царство греков, а воевода опасается за царя, «да не уловили бы его тако же велможи его враждою от ереси своя и лукавством своим» [9, с. 178].

Какими бы ни были мотивы «речей», они сходятся в одной точке: внимание всех резонеров приковывают или истинная вера (Магмет-салтан), или ее земное во-

площение, последняя надежда мудрецов — Российское государство (идеальная модель христианского царства как такового). Явно логика Пересветова наделена телеологической составляющей, а финал драмы оказывается во власти тех, кто должен разыграть ее по предложенным в «речах» правилам (Иван Грозный и русское правительство).

Остается загадкой, откуда автор знает о внутренней работе сознания героев, как ему стали доступны сокровенные размышления Магмета-салтана? Мифологическое целеполагание, созидающее свой непротиворечивый и взаимосвязанный мир, не нуждается в рациональных объяснениях. Тем более что проповедники всеведущи, они выступают единственными посредниками между Истиной и читателем. У нас есть достаточные основания полагать, что герои сборника были персонификациями голоса автора, который творил свой апокрифический мир, живущий по особым правилам. Публицист заинтересован в том, чтобы придать этой действительности не сказочный или утопический, но вполне достоверный вид. Он настаивает на подлинности и объективности этой картины.

Делает это он особым образом. Как автор риторической эпохи Пересветов не ставит знака равенства между своим высказыванием и речами героев. Он лишь гонец Истины, а не равноправный участник той пророческой мистерии, которую он развернул на страницах сборника, используя диалоги и монологи действующих лиц. Сам Ивашка — только «холоп», а его «книжки» и заключенные в них «речи» — только «службишко», обязанность перед Богом и государем: «А меня, холопа твоего, Ивашка Семенова сына Пересветова, унимал у себя служити Петр волоский воевода, а яз, холоп твой государев, слышачи таковыя речи у мудрых людей, и у великих многих дохтуров и философ про тебя, великого государя, и про твое царское от Бога мудрое приращение и счастливое к воинству, и оставивши службы богатя и безкручинныя, выехал к тебе, государю благоверному царю, служити с теми речми и з делы с воинскими. Как тебе, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?» [9, с. 184].

Пересветов, хотя и говорит о своей родословной и успешной службе королям, остается в роли намеренно низкой, факультативной, он лишь способствует тому, чтобы голоса настоящих пророков были услышаны царем. В этом смысле автор сборника ни в коей мере не принадлежит к творцам ренессансного типа, он еще не открыл самоценности авторского присутствия, не рассматривает себя в качестве автономной личности. Он важен для объективного мира только как часть его, в той лишь мере, в какой существует общее, универсальное. Он не познает законов истории, но сама история, как одушевленное существо, выбирает его волю в качестве своего орудия.

Книги

«Книги» выступают в двух основных качествах. Это или праведные «христианские книги» — источник знания о «правде», или книги искаженные, фальсифицированные (греческие вельможи, чтобы устроить себе спокойную и безбедную жизнь, подделывают некоторые заповеди авторитетной книги, изменяя праведное намерение царя Константина Ивановича защищать христианство).

Само зерно парадоксального проекта (подражать турецкому султану, чтобы в конце концов присоединить восточное царство, подвергнув его христианизации) взято из «книг», из того учения, которое оказалось недоступно греческому царю (напомним, что Константин Иванович намеревался защищать христианскую веру и способствовать ее распространению, но встретил сопротивление вельмож). Именно книги становятся источником вдохновения иноверного владыки, именно они несут в себе ту правду, которая даже на чуждой почве дает свои плоды. В «Сказании о Магмете-салтане» неодно-

кратно подчеркивается, что вся успешность реформ Магмета заключена в буквальном понимании христианских наставлений, это мудрость взаимности. Богоугодность Магмета не в том, что он принимает истинную веру (напротив, он так и не приобщается к ней по вине лукавых царедворцев), а в том, что он признает ее силу и готов хотя бы как государь воплощать заповеди Христа: «правда» без внешнего благочестия становится своеобразной проповедью христианства. Ведь реформы султана — ожившая иллюстрация христианских книг, их, так сказать, политическая реализация (хотя само применение позднего термина здесь едва ли правомерно). Враг христианства становится в итоге его защитником, если судить не по словам, а по делам.

И в «Сказании о книгах», и в «Сказании о Магмете-салтане» повторяется одна и та же формулировка: Магмет велел «списать книги христианския по-турски слово в слово» [9, с. 147], т. е. на первом месте здесь оказываются подлинность содержания, передача истины без ущерба, точность перевода. Именно эта аутентичность книг и позволяет султану провести свое исправление государственного строя, наиболее близкое духу, а не букве христианских писаний. Напротив, книги, в которые вносились акты об обращении в холопство, погибают на костре: «Да велел пред собою книги принести полныя и докладныя да велел их огнем пожещи» [9, с. 157].

В «Сказании о царе Константине» главной темой становится аутентичность книжного поучения. Если все благое проистекает из истинных книг, то все злое также имеет своим истоком книги, но только искаженные, подвергнутые чистке и замене: «Царь книги прочел да укротел. И по мале времени Магмет-салтан, турецкой царь, с силою прииде по сушу и по морю» [9, с. 168]. То есть чтение ложных книг моментально привело царство к гибели: Константин потерял волю к сопротивлению, а враги, наоборот, исполнились дерзостью. Впрочем, в царстве неправды даже истинные книги не помогают. В «Большой челобитной» сказано, что греки читали евангельские заповеди, но не получали от них никакой пользы: «И греки Еуангелие чли, а иныя слушали, а воли Божия не творили, на Бога хулу положили и в ересь впали» [9, с. 181].

При этом срединное положение между речами и книгами занимают пророческие записи мудрецов. Они — эти неявно присутствующие в сборнике тексты — цитируются, но мы не знаем по именам авторов, а по названиям — сочинений. Философы и «дохтуры» «пишут» (т. е. прорицают). И даже будущая новая столица России, Нижний Новгород, именно «пишется», иными словами, дана как потенциальная возможность. И это тоже предвидение, кем-то зафиксированное.

Показательно, что сама ситуация прорицаний задается порой последовательностью: знамение — речи — письменная форма их бытования. То есть сначала кто-то видит знак свыше, стремится получить от прорицателей истолкование знамения, а потом уже истолкование записывается. Эта ситуация, к которой составитель сборника затем возвращается, первоначально представлена в «Повести об основании и взятии Царьграда». Константин Великий заметил борьбу орла и змия, на него находит суеверный страх, а затем толкователи все объясняют: «И бысть царь во ужасе велице, и созва книжники и мудрецы, и сказа им знамение». Книжники «поразсудиша» о смысле знамения, а царь прежде, чем приступить к строительству стен и башен Царьграда, «слова их повеле написати» [9, с. 124]. Сходным образом «философы и дохтуры» получают знамение о рождении русского царя, говорят об этом во время споров, а предсказание затем фиксируется. Причем в «Большой челобитной» отмечено, что «философы и дохтуры», видевшие знамение, настоятельно советовали запечатлеть речи золотом: «А в тех, государь, королевствах твоему царскому приращению и знамению небесно-

му велми дивилися и хвалили и славили мудрыя люди, философи греческия и дохтуры латынския, и рекли так про те речи: “Годится таковому царю воинскому, от Бога мудрому прирожденному таковыя речи златом разписати и при себе на многа лета держати и после себя иному царю оставити таковыя дела и славу свою царскую”. А те речи, государь, и дела достал в тех королевствах у мудрых людей» [9, с. 171].

Иными словами, надежность пророчеств подтверждается самой формой их передачи — это письменность. Не случайно поучение Христа, наиболее авторитетная «речь» сборника, должно быть записано, как о том сообщает «Сказание о книгах». Патриарх видит грозное знамение — разрушение Царьграда турками. В молитве спрашивает о смысле наказания и получает ответ. При этом Христос велит патриарху Анастасию в конце своего пространного монолога записать все услышанное и оповестить о смысле катастрофы всех монахов: «А ныне поучение мое святое напишите да розошлите по общим моим, по настоятелем общаго жития на молитвы верныя сердечныя» [9, с. 150].

Знамения

Знамения также широко представлены в текстах сборника. Первое знамение касается судьбы Царьграда в момент его основания (борьба орла со змеем). Это знамение относится к печальному будущему города, который был завоеван неверными: «А орел есть знамение сия веры християньския, а змия есть знамение бесерменское» [9, с. 124]. Падение Царьграда в 1453 г. также сопровождается знаменами: сначала неизреченный свет собирается вокруг купола Св. Софии, поднимается, достигает небес и скрывается в дверях небесных, «и паки затворишася небеса» [9, с. 137]. Затем в 7 час ночи над городом собирается тьма, «испускающе, аки слезы, капли велицы, подобни величеством и взором буйволному оку, черлены» [9, с. 142].

Апелляция к знаменам, как и к религиозно-символической образности вообще, довольно типична для древнерусской книжности. В этом смысле составитель публицистического сборника 40-х гг. XVI в. не был первооткрывателем. Обращает на себя внимание другое обстоятельство. Именно в пересветовском сборнике столь явно сочетаются эти способы включения пророчеств в текст разных по структуре и жанровым особенностям образований, от челобитных (пусть и переосмысленных в духе публицистики позднего русского Средневековья) до историко-легендарных сказаний и воинской повести. То есть знамения с соответствующим их толкованием или мотив знамений проходят через весь сборник, что служит дополнительным элементом, предопределяющим единство его философии и архитектоники.

Знамения во время основания и взятия Царьграда идейно и сюжетно готовят знамения «Сказания о книгах» (после разорения столицы патриарх в молитвах обращается к Богу и слышит ответ самого Христа, который затем велит Магмету-салтану отдать захваченные у христиан книги). Мечта турецкого владыки о «правде» реализуется в «Сказании о Магмете-салтане». Причем сам правитель подчеркивает, что преступающим правду Господь мстит «многими страшными знамении». В «Первом предсказании философов и докторов» надежда на утверждение правды в христианском царстве связана с Иваном Грозным, который «породился от великия мудрости по небесному знамению» [9, с. 161]. Таким образом, московскому царю суждено стать продолжателем Магмета-салтана, но только в лоне «веры християнской». Об этом великом прорицании узнает и сам Пересветов. В «Малой челобитной» он пишет, что оставил службу у польского короля под влиянием загадочных предсказаний-знамений: «И оставя яз тамо дворянскую службу, выехал есми на твое имя царево, слышавше от многих мудрецов, что

быти тебе, государю, великому царю по небесному знаменю» [9, с. 164]. Тема «царского прирожения» повторяется и во «Втором предсказании философов» (подспудно отсылка к небесному знаменю присутствует и в этом коротком тексте). В «Сказании о царе Константине» несправедливый суд и всевластие вельмож рассматриваются угнетенными подданными как знамение Божьего гнева за грехи людей: «Грех ради наших сий нам несправедливый суд послал еси, Господи!» [9, с. 166]. Одновременно здесь реализуется распространенная в средневековой книжности конвенциональная модель «Божьего батога». Наконец, в итоговой «Большой челобитной» автор объединяет небесные знаменья о рождении Ивана Грозного (к этому мотиву он возвращается неоднократно) и негативное знамение-наказание, которое впервые было явлено при гибели фараона и его войска, когда они преследовали ведомых Моисеем евреев: «А того греки забыли, яко знамение Господь Бог показал над Фараоном, царем египетским, — морем потопил его да и велмож его для того, что был он израилтян поработил. Ино то есть знамение велико от Бога, что Бог гордости не любит и порабощения. А греки за то же погибли, за гордость и за порабощение» [9, с. 182]. Здесь сразу заметим, что Пересветов пользуется удобным случаем, чтобы вернуться к столь волнующей его теме несправедливости вельмож, повинных в гордости, и к теме рабства, которое он не уставал разоблачать.

Итак, знаменья тесно взаимодействуют друг с другом, образуют причинно-следственные и смысловые связи, необходимые для развития идейной составляющей комплекса.

Идеи, риторика и разноплановость сборника (итоговые замечания)

Конечно, предсказания (в том числе и в форме знамений) не могут быть изолированы от контекста их произнесения и от того, кто и как это делает. Важно и объяснение, которое раскрывает весь ход событий и объединяет их в единую непротиворечивую, связанную внутренней логикой цепочку. Если в «Повести о взятии Царьграда» знаменья в основном описываются, то в «Сказании о книгах», например, они растолковываются. Причем это делает сам Христос. Важно, что перед нами не ссылка на слова Спасителя, а его проповедь, обращенная к патриарху Анастасию. Это сообщает ситуации особую мистическую окрашенность. Причем слова Христа касаются не только прошлого и настоящего, но и будущего. Ведь все последующие страницы сборника так или иначе раскрывают особую важность слов Спасителя, должны продемонстрировать их непреходящий смысл, в том числе актуальность для Русского государства, которому необходимо для спасения христиан стать великим под водительством православного царя. Значит, слова Христа в «Сказании о книгах» становятся ключевым пророчеством, которое, как замковый свод, объединяет повесть о прошлом Царьграда и тексты, посвященные «правде» Магмета-салтана и обустройству Московской Руси.

Вынуждены повториться (но этот тезис нам важен в силу своей исключительной значимости): в сборнике заметную роль играют резонеры. Они, как правило, заменяют традиционные для древнерусской словесности ссылки на многообразные авторитетные источники (функция «цитаты», особенным образом включенной в текст, и состоит в том, что книжник обычно обращает внимание читателя на авторитетное слово, а не просто приводит библейские и святоотеческие фразы без ссылок на первоисточник). Автор сборника делает акцент то на мнении «философов и докторов»: «В Литве пишут философи и дохтуры латынския с великих мудростей...» [9, с. 161], то на речах Петра «волосского воеводы»: «Мудрости греческих философ и латынских дохтуров и Петра волосакого воеводы...» [9, с. 170]; «занеже, государь, сам Петр волоский во-

евода, ученый философ и дохтур мудрый» [9, с. 183], то предоставляет слово Магмету-салтану: «Царь турской Магмет-салтан сам был философ по своим книгам по турецким» [9, с. 151].

Подобного рода апелляция к историко-легендарному контексту и заметная скудость книжных примеров выдают одну руку, один авторский почерк. Начетничество, любовь к обширным выпискам, цитатам — все это признаки совсем иной манеры повествования, иной манеры убеждать и доказывать. Хотя традиционная апелляция в виде священных цитат в сборнике тоже встречается, но ее роль не такая заметная, как скажем у Андрея Курбского и тем более у Ивана Грозного, имевшего обыкновение, по словам оппонента, цитировать источники целыми «паремиями».

При этом резонеры, произносящие назидательные речи, оформленные как поучения христианам и самому русскому царю, часто ссылаются то на книги, то на знамения. И — что для нас также важно — книги и знамения лишены примет, по которым их можно опознать. Это «книги» и «знамения» *вообще*. Иногда только появляются эпитеты: книги характеризуются как «христианские», а знамения — как «небесные».

К знамениям и пророчествам прислушиваются многие народы. Составитель сборника упоминает сочувствующих Грозному мудрецов из Литвы и Молдавии. Но специального упоминания заслуживают у него греки. Они «надеются» (здесь очень важно подобранное публицистом слово: «надежда» в отличие от «упования» связана порой с земными намерениями, с деятельностью людей, а не с Божественной волей)², но их расчеты могут оказаться и несостоятельными. Итак, греки, оказавшиеся под пятой турецкого султана, готовы получить освобождение от иноверческого господства из рук русского государя. Но сам автор лишь подчеркивает тем самым широкое распространение молвы о будущем Русского царства. Сам же при этом советует прибрать к рукам непокорную Казань. Каких бы то ни было планов по защите византийского православия публицист не предлагает русскому царю. Ромейское государство и ромейская Церковь интересны только как исторический прецедент, как точка отсчета всей концепции сборника, но телеология этих текстов связана не с прошлым, а с будущим. Если освобождение захваченных святынь и произойдет, то только в отдаленной перспективе. Вспомним, что говорит Христос Анастасию: «лише есми выдал вас на поучение правды моя неверным иноплемянником, а не навеки» [9, с. 149].

Таким образом, история Греческого царства нужна вовсе не для утверждения преемственности. С кем и для чего устанавливать эту преемственность, если греки сами все потеряли и «измытарили» до такой степени, что автору остается только приводить царя Константина Ивановича и его вельмож как отрицательный пример? Греческая держава погибла сначала нравственно, а потом и физически. На страницах сборника эта мысль повторяется столь часто и навязчиво, что не остается никакого сомнения: ни возрождения государства греков, ни спасения оставшихся там православных, ни тем более выстраивания какой-то линии приобретения, усвоения византийского наследия быть просто не может. Только в порядке злой шутки можно говорить о какой-либо преемственности в этом контексте. Целью русского царя должно быть не воспроизведение опыта греков, а скорейшее и по возможности необратимое преодоление их исторических ошибок и просчетов. Именно поэтому в сборнике исключено финальное пророчество «Повести о взятии Царьграда турками» об освобождении погибшей столицы «русским родом» [8, с. 193]. Гибель Константинополя оказывается пророчеством толь-

² На это обращает в связи с проблемами герменевтики славянской Библии А. М. Камчатнов: [4, с. 92–95].

ко в одном случае, если все в Русском государстве будет развиваться по греческому сценарию. Такую трагическую возможность автор сборника не исключает. Следовательно, наряду с пророчествами светлыми и обнадеживающими в сборнике подспудно присутствуют и пророчества темные, негативные. Они образуют тот отрицательный фон, на котором развивается учение о «правде» и «вере».

Весьма показательна одна параллель. В Хронографе 1512 г. по списку 1538 г. (время предположительного прибытия Пересветова в Россию) говорится о том, что будущее русского государства может быть столь же трагичным, как и падение Царьграда: «да не будемъ, яко же Содомъ и не уподобимся Гомору <...> во тьме неверныхъ властей» [7, с. 439]. Таким образом, сходные настроения, относящиеся к финалу Греческого царства и повторению этой катастрофы в последнем православном государстве, были распространены в эпоху острой борьбы боярских группировок. Это трагическое мироощущение явно совпадает и с той тревогой, которой поделился с читателями автор сборника.

Идеи сборника развиваются в особом апокрифическом контексте, предусматривающем как свободную интерпретацию отдаленных исторических фактов (наказание греков и Константина Палеолога за неправый суд в виде завоевания Царьграда турками), так и довольно неконкретную, мифическую раму повествования, заданную загадочным «небесным знамением» о рождении в России великого государя и весьма странными иноземными авторитетами: мудрецы-«философы» из Литвы, валашский воевода и восхищенный христианской правдой турецкий султан. Да и сам автор сборника словно мистифицирует самого себя. Он приходит из далеких стран, наделенный особой мудростью, он верит в прорицания свыше и пророчества ученых мудрецов и при этом предвидит не только взятие Казани, но и основание обновленного Русского государства со столицей в Нижнем Новгороде. Наконец, именно таинственное небесное знамение ведет автора из Литвы на Русь. Иными словами, автор знает загадку спасения последнего православного царства и спешит на помощь, оставляя перспективную и богатую службу у европейских покровителей.

Сразу отметим, что, пожалуй, ни один русский книжник-публицист XVI в. не уделял такого повышенного внимания пророчествам и знамениям, как составитель сборника Пересветова. Нет чрезмерной склонности к профетической поэтике и у царя Ивана Грозного, которому Д. Н. Альшиц приписывал авторство «Большой челобитной». У царя гораздо больше книжных примеров и обширных цитат, все авторитетные источники названы, обилие библейских аналогий беспрецедентно (Первое послание Курбскому, Ответ Яну Роките, Послание Полубенскому и др.). Грозному не было нужды скрываться за псевдонимами, речами Петра «волоскаго воеводы» и загадочными безымянными фигурами «дохтуров и философов».

Но кроме легендарной составляющей в сборнике мы обнаруживаем вполне реалистичные зарисовки русской жизни. Они явно контрастируют с возвышенным профетическим содержанием земных предсказаний, мистических пророчеств и историко-легендарных повестей. Этим автор как бы намекает на относительность любых прорицаний и знамений, если человеческая воля не сделает шаг навстречу этим знакам. Отрезвление наступило, как только бывший польский коронный дворянин столкнулся с реальностью Русского государства. Описывая свои злоключения, он, как подлинный рыцарь одной идеи, верный предначертаниям до конца, видит в этих бедах русской жизни лишь общий порок всей системы. Личных претензий у автора не так много. Он скорбит из-за неисполнения заповедей сильными мира сего. А его главная служба

и состоит не в частных улучшениях, но в коренном исправлении самой философии власти и практики управления государством, что должно затронуть все уровни иерархии, от царя до последних холопов.

В сочетании злободневной публицистической тенденции, пророчеств, относящихся к легендарному апокрифическому контексту, и реально-бытовой конкретики заключается уникальность той интонации и той манеры убеждения, которые присущи сборнику, приписываемому по сложившейся научной традиции Ивану Пересветову.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Альшиц Д. Н.* От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. СПб.: Наука, 2009. 498 с.
- 2 *Дмитриева Р. П.* Четыре сборники XV в. // ТОДРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1972. Т. 27. С. 150–180.
- 3 *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 498 с.
- 4 *Камчатнов А. М.* Лингвистическая герменевтика (на материале древнерусских рукописных источников). М.: Прометей, 1995. 166 с.
- 5 *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 418 с.
- 6 *Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта.* М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. 196 с.
- 7 *Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).* СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. Т. 22. Ч. 1 / изд. подгот. С. П. Розанов. 567 с.
- 8 *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
- 9 *Сочинения И. Пересветова / подгот. текст А. А. Зимин.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 386 с.
- 10 *Яворский Ю. А.* К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI века // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев: Типо-литография Т. Г. Мейнандера, 1907. Кн. 20. Вып. 3. С. 59–86.

© 2019. **Andrei V. Karavashkin**
Moscow, Russia

ON THE PROPHETIC POETICS OF PERESVETOV'S WORKS (1540s)

Abstract: The paper examines the literary works of Ivan Peresvetov, one of the most distinguished social commentators of the 16th century. He has long been the subject of contention. While some scholars consider him to be a fictional character, others insist on his having actually existed. A scarcity of historical information has not impeded attempts at reconstructing his biography whilst incorporating his literary output. During the 19th century, one of the most common views was that “Peresvetov” was the pen name of one or multiple authors putting forward prophecies, who (to varying degrees) served as apologists for Ivan the Terrible. Not only were author and biography declared fictional, then, but the prophecies themselves were alleged to be forgeries. Even after the release

of what was considered to be a fundamental edition of Peresvetov's collected works ("The Complex of Peresvetov"), compiled and edited by A. A. Zimin to incorporate Peresvetov's personality and philosophies within a broader socio-cultural context, fresh doubts nevertheless surfaced as to the writer ever having existed. D. N. Alshitz would become a leading skeptic to argue with both pre-Revolutionary and Soviet scholars of Peresvetov. He put forward that Peresvetov's collected works were in fact a compilation of different texts written by various people and for a multitude of reasons (Pyotr Gubastiy, Aleksei Adashev, Ivan the Terrible). Apart from direct mention of the historical figure, which would undoubtedly shed light on Peresvetov's personality, there is also an issue of the integrity of his ideas and poetics. In this article, we consider whether or not the works were written by different people. Our argument is based on secondary sources. Nevertheless, they are crucial to proving the integrity of his literary texts as inevitably belonging to a single personage with a single set of views. We believe that Peresvetov's collected works are united by a running theme of prophecies and divinations. This theme becomes Peresvetov's essential means of formulating an ethic founded in the complicated relationship between "faith" and "truth" — two of the most significant concepts of ancient Russian philosophy and history.

Keywords: social commentary, anthology, poetics, prophecies, writer's identity, philosophy of history, attribution, pseudonym.

Information about author: Andrei V. Karavashkin — DSc in Philology, Professor, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Miuskaya Sq., bld. 6, 125993 Moscow, Russia. E-mail: karavash2008@yandex.ru

Received: December 04, 2018

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Karavashkin A. V. On the prophetic poetics of Peresvetov's works (1540s). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 52, pp. 117–131. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Al'shits D. N. *Ot legend k faktam. Razyskaniia i issledovaniia novykh istochnikov po istorii dopedetrovskoi Rusi* [From legends to facts. Search and research of new sources on the history of pre-Petrine Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 498 p. (In Russian)
- 2 Dmitrieva R. P. Chet'i sborniki XV v. [Collections of the Lives the collections of the 15th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1972, vol. 27, pp. 150–180. (In Russian)
- 3 Zimin A. A. *I. S. Peresvetov i ego sovremenniki* [I. S. Peresvetov and his contemporaries]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958. 498 p. (In Russian)
- 4 Kamchatnov A. M. *Lingvisticheskaia germenentika (na materiale drevnerusskikh rukopisnykh istochnikov)* [Linguistic hermeneutics (on Old Russian manuscript sources)]. Moscow, Prometei Publ., 1995. 166 p. (In Russian)
- 5 Karavashkin A. V. *Russkaia srednevekovaia publitsistika: Ivan Peresvetov, Ivan Groznyi, Andrei Kurbskii* [Russian medieval journalism: Ivan Peresvetov, Ivan the terrible, Andrew Kurbsky]. Moscow, Prometei Publ., 2000. 418 p. (In Russian)
- 6 *Opisi Tsarskogo arkhiva XVI veka i arkhiva Posol'skogo prikaza 1614 g.* [Inventory of the Royal archive of the 16th century and the archive of the Embassy order of 1614],

- edited by S. O. Shmidt. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi literatury Publ., 1960. 196 p. (In Russian)
- 7 *Polnoe sobranie russkikh letopisei (PSRL)* [Complete set of Russian Chronicles (PSRL)]. St. Petersburg, Tipografiia M. A. Aleksandrova Publ., 1911. Vol. 22. Part 1, prepared by S. P. Rozanov. 567 p. (In Russian)
- 8 Sinitsyna N. V. *Tretii Rim. Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [Third Rome. Origins and evolution of the Russian medieval concept (15–16 cs.)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 416 p. (In Russian)
- 9 *Sochineniia I. Peresvetova* [The works of I. Peresvetov], prepared by A. A. Zimin. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956. 386 p. (In Russian)
- 10 Iavorskii Iu. A. K voprosu ob Ivashke Peresvetove, publitsiste XVI veka [On Ivashka Peresvetov, the writer of the 16th century]. *Chteniia v istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa* [Readings in the historical society of Nestor the chronicler]. Kiev, Tipo-litografiia T. G. Meinandera Publ., 1907, book 20, vol. 3, pp. 59–86. (In Russian)